

А.И. Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: easolovievy@mail.ru

«Холсты» на камнях

В статье поднимается один из интересных, но до сих пор не нашедших своего адекватного разрешения вопросов, связанных с погребальной практикой средневекового тюркоязычного населения Северной и Центральной Азии. Последний связан с информацией, почерпнутой из китайских летописных источников, согласно которой в ходе обрядовых действий погребального цикла тюрки рисуют портреты своих покойных. Этот сюжет издавна привлекал внимание отечественных исследователей и неоднократно в разных аспектах обсуждался в отечественной научной литературе. Принятая ныне его трактовка связывает упомянутые летописные портреты с практикой установки статуарных изделий около древнетюркских оградок. А именно, с лицами скульптур и рельефными личинами, выбитыми на поверхности каменных плит, стел и валунов, стоящих у таких сакральных сооружений. Вместе с тем есть еще одна категория подобных артефактов, которая представляет собой вертикальные камни с минимальными следами обработки или, чаще всего, даже вообще без них, лишенные каких-либо изображений, поставленные у оградок. С позиции трудовых затрат выстраивается целая градация статуарной атрибутики – от сложных скульптур до простых безликих вертикальных камней. При этом с точки зрения ритуала все такие предметы, изображая усопших, равнозначны и выполняют одну и ту же обрядовую функцию. Отмечается, что пять из выделенных категорий изваяний имеют выбитые на поверхности массива человеческие лица, а последняя, самая нижняя и массовая, нет. Делается вывод, что именно она и служила той основой, на которой древнетюркские художники и рисовали портреты своих усопших. Попытка совмещения рисунка усредненных черт лица древнетюркского изваяния с поверхностью стелы показывает, что происходит визуализация «невидимых» деталей – частично естественного, а отчасти искусственного происхождения, которые при обычном рассмотрении без графической составляющей не воспринимаются глазом, но играют важную роль в создании портрета.

Ключевые слова: древнетюркское время, оградки, каменная скульптура, рисованный портрет, плита, стела, китайские летописи.

A.I. Soloviev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievy@mail.ru

“Canvases” on Stones

This article addresses a problem associated with burial practices of the Medieval Turkic-speaking population of Northern and Central Asia. According to information of Chinese chronicles, during the rituals of the funeral cycle, the Turks would draw the portraits of their deceased. This topic has long attracted attention of Russian scholars and has been discussed in the literature. The main interpretation connects the above mentioned testimonies on portraits from the chronicles with practice of setting up statues near Old Turkic fences, more precisely, with faces on sculptures and masks in relief pecked on the surfaces of stone slabs, stelae, and boulders located near such sacred structures. There is one more type of these artifacts – vertical stones with minimal traces of processing or even without them, devoid of any images, which were set near the fences. In the ritual context, all such objects representing the deceased were equivalent and performed the same function. Five of the identified categories of sculptures had human faces carved on the stone surface, but the last one, the lowest and most widespread, did not. It is concluded that it was precisely this type of monument upon which Old Turkic artists painted portraits of their deceased. An attempt to combine the drawing of averaged facial features of an Old Turkic sculpture with the surface of the stela triggers visualization of “invisible” details – partly of natural and partly of artificial origin, which, when viewed normally without a drawing component, are not perceived by the eye, but play an important role in creating a portrait.

Keywords: Old Turkic period, fences, stone sculpture, painted portrait, slab, stela, Chinese chronicles.

Мировоззренческие схемы, реконструируемые для соседних этносов... оказываются обескураживающе похожими. Мы встречаем одни и те же символы в сходных функциях и сочетаниях.

А.М. Сагалаев

Нет обществ, какими бы примитивными они ни были,
без религии и магии.

Б.К. Малиновский

Одним из значимых и загадочных феноменов, связанных с мировоззрением скотоводческих средневековых обществ Северной Азии, являются каменные скульптуры, разбросанные по просторам степей, – практически везде, где есть выходы дикого камня. Скульптурные плоды творчества безымянных мастеров, оставленные на азиатской территории России, привлекали к себе внимание, наверное, еще со времен первых академических экспедиций XVIII в. Даже беглое обращение к публикациям, посвященным этому историческому феномену, подводит к мысли о необходимости специальной историографической работы. Изваяния единодушно относят к числу атрибутов древнетюркских оградок, некогда соотносимых с погребальными сооружениями [Грач, 1961, с. 55]. Гипотезы эти, правда, не нашли своего подтверждения раскопками. В настоящее время мифоритуальная составляющая таких оградок, по одной из гипотез, может соотноситься со святилищем (см. историю вопроса: [Могильников, 1981, с. 35]), хотя исследователями интуитивно ощущается связь строений и скульптур с действиями заупокойного цикла (объединяемыми общим понятием погребально-поминальной обрядности). Обрядовая сторона феномена нашла свое отражение в китайских хрониках. Но в них содержится пассаж, пока не согласуемый с археологическим материалом. Речь идет о традиции рисования древними тюрками портретов своих усопших. Ряд аспектов этого пресловутого сюжета, неоднократно рассматривался в научных трудах [Грач, 1961, с. 74; Ермоленко, 2004, с. 48–67; Итс, 1958, с. 102; Кызласов, 1969, с. 30–40; Шер, 1966, с. 48, 53]. Принятая ныне его условная трактовка связывает последний с лицевыми рельефами, выбитыми на камне. Но все не так просто. Попробуем вернуться к этой проблеме и взглянуть на нее, по определению Л.Н. Гумилева, «с высоты птичьего полета».

Вряд ли будет большой ошибкой считать, что кочевой мир был Великим посредником, активно использовавшим технологические инновации, почерпнутые у государственных образований Восточной Азии, вместе с символикой престижа и визуальными блоками погребальной обрядности, которые будучи адаптированы к собственным возможностям, в опосредованном виде докатывались до северной его периферии, где находили свой отклик в культуре местных племен. Впрочем, вектор таких взаимодействий не стоит считать однонаправленным. Поднебесная сама испытывала мощные культурные импульсы со

стороны варварского мира, которые воспринимала, по-своему трактовала, перерабатывала и после стереотипизации возвращала обратно. Примеры найти несложно. Достаточно обратиться и к погребениям хунских шаньюев в Ильмовой Пади, выполненным с опорой на китайскую традицию погребений высшей знати [Миняев, 2009; Полосьмак, Богданов, 2015, с. 34–84] или к уже средневековым орхонским памятникам, напр., мавзолею Кюль-тегина, возведенному по образцу погребений высшей китайской знати с обязательной черепахой, стелой с эпитафией [Шер, 1966, с. 18, 35, 36], т.е. фактически с известной в китайской традиции аллеей духов (*шэньдао*, *шуйдао*, *шэньлу*) [Комиссаров, Кудинова, Соловьев, 2012; Кравцова, 2007, с. 495, 496], воспринятой как элемент погребального ансамбля в эпоху Западной Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.), а в эпоху Восточной Хань (25–220 гг.) уже существовавшей в развитом виде, либо курганному погребальному комплексу Шорон-Дов в Монголии, принадлежавшему одному из крупных местных чиновников VII в., сооруженному со склепом, дромосом с «небесными колодцами», эпитафией на китайском языке и терракотовыми фигурками людей и животных, традиция помещения которых в погребальные комплексы характерна уже для памятников Китая эпох династий Цинь (221–207 до н.э.) и Хань (206 до н.э. – 220 н.э.) [Данилов, 2010]. Импульсы колебаний такого маятника достигали и лесной полосы Сибири, где глубина их проникновения в регион ограничивалась лишь возможностями ведения скотоводческого хозяйства. Здесь идет т.н. тюркизация – распространение южных, кочевнических черт в погребальной обрядности аборигенных племен, «инфильтрация тюркской ритуальной лексики в языки самодийского, и особенно угорского населения, усвоение ряда мифологических и эпических мотивов жителями тайги» [Сагалаев, 1991, с. 9], которое нарастает с последней четверти I тыс. н.э.

С точки зрения самого общего подхода, учитывающего количество труда и умение мастера, не углубляясь специально в область классификации древнетюркских каменных изваяний, обратим внимание лишь на полюса известных схем. С одной стороны, это детализированные, с проработанными чертами лиц, насыщенные рельефными изображениями деталей одежды и экипировки скульптуры (рис. 1, I). С другой, слегка подработанные плоские камни, стелы или округлые валуны, условно напоминающие

Рис. 1. Каменные изваяния Саяно-Алтая.

1 – статуя из Аэркагэ (Аэрсяти, Уезд Бортала); 2 – айтэны близ с. Хабаровка, Онгудайский р-н; 3 – степь Самаха, Кош-Агачский р-н; 4 – роговые накладки луки седла с разметкой. Могильник Кальджин-8; 5 – урочище Соогу, Монгольский Алтай; 6 – Кара-Кобы, правый берег р. Уреул, Онгудайский р-н, Горный Алтай.

1 – Музей Синцзян-Уйгурского автономного района г. Урумчи; 2, 3 – МИКНС ИАЭТ СО РАН; 4 – по: [Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, рис. 11]; 5 – по: [Кубарев, 1997, с.177]; 6 – Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина; 1–3, 6 – фото автора.

человеческие фигуры и даже не имеющие обозначенных черт лица. Последние и представляют для нас особый интерес. Те и другие изваяния относятся к числу важных атрибутов древнетюркских оградок.

Статус таких сооружений мог быть различным – от самого простого семейного до территориального, почитаемого в масштабах потестарного образования. Можно полагать соответствие зрелищных характе-

ристик скульптуры рангу сакрального объекта, равно как и таланту привлеченных мастеров, труд которых вряд ли был общедоступен. С этих позиций легко выстраивается некая градация статуарных изделий, которую можно представить в виде пролетов лестничного марша. Ясно, что на верхней его площадке будут размещаться хорошо проработанные рельефные скульптуры. Следующую ступень занимают изделия с мастерски выбитыми, слегка выступающими над поверхностью камня личинами и контурами предметов атрибутики, намеченными в технике пикетажа. Уровень исполнительского мастерства этих персон также совсем не дилетантский. Очередную ступеньку вниз, очевидно, можно закрепить за стелами с «одинокой» рельефно проработанной личиной на плоскости природного, как правило с минимальной подработкой, камня, поименованными В.Д. Кубаревым «лицевыми изваяниями» (рис. 1, 5, 6).

Второй пролет упомянутой лестницы начинается с плоскостных контурных изваяний с изображением лица, элементов одежды, экипировки и атрибутики, выполненных в той же технике пикетажа простыми, неглубокими линиями. В отдельных случаях детали могут слегка оттеняться плоской точечной выбивкой (рис. 1, 3). Очередная ступенька вниз принадлежит произведениям, исполненным на плоскости в аналогичной технике, но воспроизводящей только личины (рис. 1, 2). И, наконец, в самом основании схематичной лестницы располагаются антропоморфные стелы, естественный абрис которых с минимальной подработкой, а то и без нее, условно напоминает человеческие фигуры. Лишенные каких-либо портретных характеристик и дополнительной атрибутики, они, как и все их фигурные сородичи, не обделенные трудом каменотеса, высятся у небольших и скромных «семейных» каменных оградок, отличая фактом своего присутствия последние от руин совсем уж «сиротливых» сооружений без вертикальных камней. Как правило, такие предметы остаются вне рамок внимания специалистов и не находят себе места в иллюстративном материале, ибо не могут быть подвергнуты строгим методам систематизации.

Если обратиться к этой лестнице, можно предположить, что с позиций народной этики все объекты на ее ступеньках функционально равнозначны и играют одинаковую роль в обрядовой практике. Ключевыми же моментами, важными для возможности использования их в сценографии ритуала, будут те, что связаны с распознаванием образа конкретного персонажа, для которого и разыгрывается сакральный спектакль. Несложно предположить, что наиболее полно они представлены у самых детализированных и сложных в исполнении изваяний. Спускаясь вниз по пролетам, несложно заметить, что все изделия по мере «угасания» знаковых элементов, до самой нижней ступени сохраняют «свое лицо». Исключение составляют лишь вертикальные

природные камни, не относимые к скульптуре. Все остальные статуарные объекты имеют явные антропоморфные черты, а там, где они не столь уж выражены, последние манифестируются личиной (ведь простое вертикальное положение корпуса не есть чисто человеческий признак – некоторые представители местной фауны способны довольно долго сохранять такое положение). Изображения лиц оказывается в итоге доминирующим элементом традиции – во всяком случае более значимым для антропоморфизации образа, чем выбитые на камне детали убранства и оружие. И коли так, то простой подтески краев стел и плит (которой, кстати, нередко пренебрегали) для создания персоналии явно недостаточно. А это значит, что, учитывая совпадение времени, места, культурной традиции и обрядового кода, у таких камней непременно должно было быть лицо – согласно знаменитому тесту: *If it looks like a duck, swims like a duck and quacks like a duck, then it probably is a duck.*

Этот момент, кажется, удивительным образом подтверждается указаниями китайской хроники Суйшу, согласно которой древние тюрки *рисуют* облик покойника (см. подробнее: [Грач, 1961, с. 74; Кызласов, 1969, с. 37.; Шер, 1966, с. 48, 53]). И кажется, действительно, именно на таких вертикальных камнях у оградок, некогда имевших кровлю и стены, и рисовали портреты скорбящие сородичи. В этом случае гипотезы, связывающие феномен рисования с техниками плоскостного пикетажа или гравировки, полурельефа либо даже рельефа в изображении лиц на поверхности камня [Кызласов, 1964, с. 38], можно принять лишь с большими оговорками. Вряд ли стоит сомневаться, что в Китае с его богатой изобразительной традицией не понимали разницу между рисунком, гравировкой и скульптурным портретом. И едва ли собиратели сведений для докладных записок официальных лиц (по сути, разведчики), данными которых пользовались хронисты, доподлинно не могли выяснить конкретные детали передаваемой информации. Китайские летописцы, формируя корпус сведений о соседних варварских народах, как и полагалось древним «этнографам» и дипломатам, обращали в первую очередь внимание на детали новые, незнакомые, чуждые собственной традиции, опуская при этом многие вещи, которые сами собой разумелись. И если речь шла о рисунке, то воспроизводимый образ, столь необходимый для персонификации безликих каменных плит и стел у оградок, и должен был выполняться в технике «живописи». Последние, на наш взгляд, и были «холстом» для написания портретов, подобно тому как скальные плоскости служили природными холстами для древних художников, столетиями наносивших на них свои петроглифы.

В тех же нередких случаях, когда возле оградок не обнаруживаются вертикальные «безликие камни», необходимые персонажи могли быть из дерева или,

скорее всего, связанными из одежды усопших куклами – туу или тул [Кызласов, 1969, с. 42; Фиельструп, 2002, с. 129–131; Шишло, 1975], хорошо известными в обрядовой практике тюркоязычного населения. Отметим, что у обских угров на культовых местах нередки фигуры сакрализованных персонажей духов-предков, свитых из матерчатых прикладов [Бауло, 2013, рис. 43, 73, 80–82, 98; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 7–120, рис. 30, 32, 36, 56, 68, 70, 72, 78]. Это особенно важно, если учесть, что размах, разнообразие и продолжительность контактов между лесными популяциями Приобья и южным скотоводческим миром в масштабах Северной Азии не имели себе равных [Сагалаев, 1991, с. 8].

Похоже, что одежда тоже была не просто предметом, обеспечивающим внешнее сходство скульптур с изображаемым объектом. Свидетельства того, что в ней какое-то время тоже пребывала душа усопшего, можно найти у осетин [Дюмезиль, 1990, с. 189], тюркоязычного населения Средней Азии и Алтая [Карамышева, Губаева, 2002, с. 178; Львова и др., 1989, с. 214; Фиельструп, 2002, с. 129–131; Шишло, 1975, с. 252–254], нганасан [Попов, 1976, с. 34], кетов [Алексеев, 1976, с. 152], ненцев [Головнев, 2000, с. 208–209], обских угров [Чернецов, 1959, с. 136–137, 145] и т.д. Таким образом, можно считать, что завершающим штрихом создания облика усопшего являлось облачение каменной основы в его одежду и «оснащение» ее личными статусными предметами, которые, впрочем, могли в дальнейшем замещаться моделями. Есть основания считать, проецируя элементы обрядовой практики населения Монголии (рис. 2, 1) и, как ни странно, Японского архипелага (рис. 2, 2) (сохранившего в материальной культуре и сакральной сфере черты, связывающие его со Средневековьем континента, в т.ч. и кочевого мира), что даже раскрашенные изваяния высшей ступени имели свои облачения. По сути, этот феномен можно рассматривать как отражение контагиозной магии, посредством которой в иной объект вселялась часть нематериальной сущности покойного. И одежда вместе с остальными регалиями персонифицировала изваяние, играя роль «паспорта». Ведь для архаичного мировоззрения значимым оказывается примат зрелищного восприятия и связанное с ним осознание приоритета внешней оболочки над тем, что она заключает в себя; и как следствие, признание за ней трансформирующих возможностей, т.е. способности магическим образом преобразовывать начинку в соответствующую себе субстанцию. И хотя остается неясным, насколько стары эти приемы, нет оснований не считать возможным синхронизировать их со временем возникновения самих магических представлений, т.е. отодвинуть их в самые седые времена.

Общий анализ технологии изготовления (проведенный на визуальном уровне) позволил предполо-

жить участие нескольких мастеров в производстве ряда изделий, различающихся по уровню мастерства и владения инструментами. Особенно это заметно для скульптур с рельефно проработанными чертами лица, плоскостной моделировкой туловища и деталей экипировки. Выявленные различия позволяют предположить, что над объектом работало несколько человек. Так, голова выполнялась человеком с развитым пространственным воображением, хорошо владеющим инструментом и техникой низкого рельефа, а вся остальная часть будущей статуи отдавалась в руки другого, очевидно подмастерья или добровольных помощников, которые выбивкой просто «обводили» графическую разметку. В результате на поверхности получался контурный рисунок, своего рода «полуфабрикат» – с одной стороны, подготовленный (в случае необходимости) к дальнейшей рельефной формовке, с другой, вполне достаточный для распознавания образа, с уже выделенными и обозначенными для дальнейшей тонировки участками (по принципу хорошо знакомых нашему современнику контурных раскрасок). Подобным образом обрабатывались в подавляющем большинстве плоские плиты, что исходно предполагало известную простоту получаемого образа. Причины этого, достаточного распространенного для территории Саяно-Алтая явления, еще предстоит объяснить. Но уже сейчас они определенно могут быть связаны, с одной стороны, с социальной градацией и имущественным потенциалом заказчика, а с другой, пока предположительно, с существованием клана «бродячих мастеров» или неких специализированных центров по производству соответствующей продукции. Отметим попутно, что наличие подобных полуфабрикатов, предоставлявших заказчику значительную волю в доведении изделия «до ума», отмечается и в числе предметов косторезного ремесла, в частности среди крупных плоских декоративных накладок на луки седла (рис. 2, 3). Так, на находках, сделанных В.И. Молодиным на плато Укок [Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, рис. 11], пространство между фигурами растительного орнамента заштриховано прямой сеткой, что является характерным приемом резчика-костореза, призванным облегчить работы по углублению фона – избежать соскальзывания резца и добиться ровной поверхности. Заказчику самому предоставлялась возможность срезать квадратики сетки и сделать орнамент рельефным или, как это произошло в данном случае, ограничиться втиранием в штрихи красителя, чтобы контрастнее проявить рисунок.

В наши дни возможности графического редактора позволяют без вреда оригиналу соединить гипотетический рисунок лица с подлинной каменной основой. Для вящей аутентичности были взяты оригинальные артефакты с территории Республики Алтай (рис. 2, 3). В результате выяснилось, что при совмещении

Рис. 2. Статуарные объекты с прикладами. Северная, Центральная и Восточная Азия.

1 – древнетюркское изваяние с прикладами. Хошун Жаргалтхаан, Хэнтийский аймак. Монголия; 2 – скульптура в облачении у храма Тодайдзи г. Нара; 3 – стела в урочище Соору; 4 – «Когда ушли потомки». Вариант реконструкции оставленного манекена; 1 – по: [Мэнгуо гудай юму 2008, с. 199]; 2, 3 – фото автора.

рисунка усредненных черт лица древнетюркского изваяния с поверхностью стелы происходит визуализация «невидимых» деталей – частично естественного, а отчасти искусственного происхождения, которые

при обычном (т.е. без графической составляющей) рассмотрении ускользают от внимания и не воспринимаются глазом, но между тем участвуют в создании портрета (рис. 2, 4).

Таким образом, мы подходим к выводу о том, что простые каменные плиты и стелы, установленные у оградок и не имеющие подработки, могли служить «холстом» для рисования красителями лиц и одновременно манекенами для одежд и атрибутов, принадлежавших изображаемому субъекту (либо соответствовавших архетипу нужного образа), доводивших изображаемую фигуру до нужных для ритуала ассоциаций.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Автор выражает признательность С.А. Комиссарову за помощь в работе с литературой на китайском языке.

Список литературы

Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 67–105.

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века. Этнографический альбом. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. – 208 с.

Гемуев И.Н., Сагалалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в). – Новосибирск: Наука, 1986. – 191 с.

Головнев А.В. Путь к семи чумам // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во ИИиА УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 208–236.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М.: Наука, 1961. – 94 с.

Данилов С.В. Шороон Дов – «земляной бугор» // Наука из первых рук. – 2010. – № 6. – С. 288–299.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1990. – 229 с.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния Казахстана степей (типология, семантика в аспекте идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 132 с.

Итс Р.Ф. О каменных изваяниях в Синьцзяне // СЭ. – 1958. – № 2. – С. 100–102.

Карамышева Б.Х., Губаева С.С. Комментарии // Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М.: Наука, 2002. – С. 54–64, 89–97, 172–181.

Комиссаров С.А., Кудинова М.А., Соловьев А.И. О значении «аллеи духов» в ритуальной практике Китая и сопредельных территорий в эпоху древности и Средневековья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 10: Востоковедение. – С. 29–40.

Кравцова М.Е. Линь цинь // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. – М., 2007. – Т. 2: Мифология. Религия. – С. 493–496.

Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая (краткий каталог). – Новосибирск; Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1997. – 183 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 209 с.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. – Новосибирск: Наука, 1989. – Т. 2. – 243 с.

Миняев С.С. Элитный комплекс сюннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 49–58.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29–43.

Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-8 (некоторые технологические и этнокультурные реконструкции) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 71–86.

Мэнгуто гудай юму миньцзу вэньхуа ицунь каогу дяоча баогао: 2005–2006 нянь / Та Ла, Эньхэтубусинь чжубянь. Монгол улсын нутаг дахь археологийн хайгуул судалгаа: 2005–2006 он (Отчет об обследовании памятников древних кочевых народов Монголии: 2005–2006 годы / отв. ред. Та Ла, Б. Энхтүвшин). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. – 335 с. (на кит. и монг. яз.).

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Часть 1. – Новосибирск: Инфолио, 2015. – 136 с.

Попов А.А. Душа и смерть по верованиям нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 31–43.

Сагалалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 155 с.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М.: Наука, 2002. – 300 с.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Тр. ИЭ, Нов. сер. – 1959. – Т. 51. – С. 114–156.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 138 с.

Шиншло Б.П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 248–260.

References

Alekseenko E.A. Predstavleniya ketov o mire. In *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa*. Leningrad: Nauka, 1976. P. 67–105. (In Russ.).

Baulo A.V. Svyashchennye mesta i atributy severnykh mansi v nachale 21st veka. Etnograficheskiy al'bom. Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: Basko, 2013. 208 p. (In Russ.).

Chernetsov V.N. Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov. In *Trudy Instituta Etnografii*, Novaya. ser., 1959. Vol. 51. P. 114–156. (In Russ.).

Danilov S.V. Shoroon Dov – «zemlyanoi bugor». In *Nauka iz pervykh ruk*, 2010. N 6. P. 288–299. (In Russ.).

- Dyumezil' Zh.** Skify i narty. Moscow: Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 1990. 229 p. (In Russ.).
- Ermolenko L.N.** Srednevekovye kamennye izvajanija Kazhstanskikh stepej (tipologija, semantika v aspekte ideologii i tradicionnogo mirovozzrenija. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. 132 p.
- Fiel'strup F.A.** Iz obryadovoi zhizni kirgizov nachala 20th veka. Moscow: Nauka, 2002. 300 p. (In Russ.).
- Gemuev I.N., Saglalaev A.M.** Religija naroda mansi. Kul'tovye mesta (19th – nachalo 20th v.). Novosibirsk: Nauka, 1986. 191 p. (In Russ.).
- Golovnev A.V.** Put' k semi chumam. Drevnosti Yamala. Ekaterinburg–Salekhard: IliA UrB RAS Publ., 2000. Iss. 1. P. 208–236. (In Russ.).
- Grach A.D.** Drevneyurkskie izvayaniya Tuvy. Moscow: Nauka, 1961. 94 p. (In Russ.).
- Its R.F.** O kamennykh izvajanijah v Sin'czjane. In *Sovetskaya Etnografiya*, 1958. Vol. 2. P. 100–102.
- Karamysheva B.Kh., Gubaeva S.S.** Kommentarii Fiel'strup F.A. Iz obryadovoi zhizni kirgizov nachala 20th veka. Moscow: Nauka, 2002. P. 54–64, 89–97, 172–181. (In Russ.).
- Komissarov S.A., Kudinova M.A., Solov'ev A.I.** O znachenii «allei dukhov» v ritual'noi praktike Kitaya i sopredel'nykh territorii v epokhu drevnosti i Srednevekov'ya. In *Vestnik Novosibirsk State Univ.*. Ser.: Istoira, filologiya. 2012. Vol. 11. Iss.10: Vostokovedenie. P. 29–40. (In Russ.).
- Kravtsova M.E.** Lin tsin'. In *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t.* Moscow, 2007. Vol. 2: Mifologiya. Religija. P. 493–496. (In Russ.).
- Kubarev V.D.** Kamennye izvayaniya Altaya (kratkii katalog). Novosibirsk; Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 1997. 183 p. (In Russ.).
- Kyzlasov L.R.** Istorija Tuvy v srednie veka. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1969. 209 p.
- L'vova E.L., Oktyabr'skaya I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S.** Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Chelovek. Obschestvo. Novosibirsk: Nauka, 1989. Vol. 2. 243 p. (In Russ.).
- Minyaev S.S.** Tsaram: A Bural Ground of the Hsing-nu Elite in Transbaikalia. In *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2009. N 2. P. 49–58. (In Russ.).
- Mogil'nikov V.A.** Tyurki. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya*. Moscow: Nauka, 1981. P. 29–43. (In Russ.).
- Molodin V.I., Novikov A.V., and Soloviev A.I.** Bural Complexes of the Antient Turkic Period at the Kaldzin-8 Bural Ground: Tecnological and Etnocultural Reconstructions. In *Archaeology, Ethnography and Antropology of Eurasia*, 2003. N 2. P. 71–86. (In Russ.).
- Polos'mak N.V., Bogdanov E.S.** Kurgany Sutszunkte (Noin-Ula, Mongoliya). Pt. 1. Novosibirsk: Infolio. 2015. 136 p. (In Russ.).
- Popov A.A.** Dusha i smert' po verovaniyam nganasan. In *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa*. Leningrad: Nauka, 1976. P. 31–43. (In Russ.).
- Sagalaev A.M.** Uralo-altayskaya mifologiya: Simvol i arketip. Novosibirsk: Nauka, 1991. 155 p. (In Russ.).
- Sher Y.A.** Kamennye izvayaniya Semirech'ya. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. 138 p. (In Russ.).
- Shishlo B.P.** Sredneaziatskii tul i ego sibirskie paralleli. In *Domusul'manskie verovaniya i obryady v Srednei Azii*. Moscow: Nauka, 1975. P. 248–260. (In Russ.).
- Ta La, Enhetubuxin** (ed.). Mengguguo gudai youmu minzu wenhua yicun kaogu diaocha baogao: 2005–2006 nian. Mongol ulsyn nutag dakh' arkheologiin khaiguul sudalga 2005–2006 on. Bnkhau-yn Soelyn-ov khevlelii khoro (Report on archaeological investigations of the sites of ancient nomadic people in Mongolia: 2005–2006). Beijing: Wenwu chubanshe, 2008. 335 p. (In Chin., Mong.).

Соловьев А.И. <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>